

Е В Р Е Й С К А Я С В А Д Ь Б А

По мотивам Марка Шагала

*Мерче Арутюнов
Тель-Авив, Израиль*

Стояло пыльное лето, – четырнадцатое лето моей жизни, – новые ботинки сверкали на моих ногах, – нежный пух пробивался на подбородке, – я шел с отцом, – у поворота к нам присоединились старый Патлах, кривой Зеев и Йошка, – Йоселе-дурачок, – крошечная головка и отвисшая нижняя губа, – сзади на штанах – налипшие травинки, – всем известно, – Йоселе спит в сарае, – в обнимку с черным теленком, – мачеха не впускает его в дом, – но Йошка не в обиде, – в теплой и влажной темноте, – наощупь находит он своего любимца, – черного бычка, – целует в мокрую морду, – и засыпает под мерное дыхание Розеле, – большой пятнистой коровы с глазом удлинненным и виноватым, – совсем как у красавицы жены старого ребе, – говорят, – великой грешницы...

Я иду в синагогу за моим отцом, – идущим быстро, – каштановые пейсы смешно подпрыгивают на ходу, – под заношенной тканью рубашки проступают острые лопатки, – сейчас он поравняется со служкой Меиром и тихо скажет, – это мой сын, и хотя все давно

уже знают, что я – сын своего отца без малого четырнадцать лет, – всякий раз, когда я слышу тихий глуховатый голос, – вспыхиваю как девчонка и делаю важное лицо, – потому что я уже взрослый юноша, – почти жених, – и у меня новые ботинки, – а на подбородке – нежный пух, который когда-нибудь превратится в бороду, пусть негустую, но настоящую, такую, как у отца...

Как я уже сказал, – это было четырнадцатое лето моей жизни, – я шел за своим отцом, – стояло пыльное лето, – под треск лопающихся черных вишен, – стакан – полкопейки, – с синими от бесконечного поедания шелковицы губами, – от Йоселе-дурачка пахло теленком, – вчера, голые по пояс, мы скакали у берега грязного пруда, – и Йошка смешно подбрасывал тощие ноги и мычал, – точно как его черноголовый дружок, – за деревьями промелькнул пестрый платок, – послышался смех, – и я присел на корточках, – а Йоська продолжал скакать на одной ноге и трясти головой...

Было раннее утро, – я шел за своим отцом, – так близко, что слышал его запах, – который не спутаешь ни с чем на свете, – запах его кожи, – и табака, – и книжных листов, – пожелтевших от времени так же, как его тонкие пальцы, – покрытые черными волосами...

Поравнявшись с колодцем, – я опустил голову, – рубашка моя враз прилипла к спине, – у колодца стояла Двоя-Малка, – самое вредное существо на свете, – с веснушчатым носом, – двумя рыжими косичками, переброшенными на грудь, – еще вчера совершенно плоскую, – на плечах ярким цветом вспыхнул тот самый платок, – смешок – тот самый, – короткий, отрывистый, – я вспыхнул, – совсем невеста, – сказал старый Патлах, – обращаясь к отцу, – я все же успел заметить, что ступни невесты босы и черны, – а руки – в цыпках, – с трудом удерживают на весу ведро с водой.

Было раннее утро, – еще дул ветерок, – передышка перед дневным пеклом, – я шел за своим отцом, – взрослый мальчик, – почти жених, – и думал о чем угодно, – только не об учебе, – и не о молитве, – я думал о черно бычке, о пестром платке на груди Двоя-Малки, – о ее босых ногах, – ни о чем другом я думать уже не мог... как вдруг – далеко – за синагогой – выросла черная туча, – в воздухе запахло жженым – черный пепел стал опускаться на наши головы, – мимо пронеслось несколько простоволосых женщин, – их крики были неприличными, пронзительными, – вслед за ними и Йоська закричал страшным, дурным голосом и волчком закрутился на месте, – крики нарастали, становились все ближе и громче, – и вскоре все местечко было объято

непрекращающимся воем, – я слышал свой крик, – он доносился откуда-то сверху, – я видел дрожащую бороду моего отца, – он протягивал ко мне руки, – а голоса его слышно не было, – топот лошадиных копыт, горячее дыхание жеребца над головой, – свист шашки, – удар в спину, – старый Патлах, – страшно разевая беззубый рот, – толкает меня в лопухи, – я бегу, – бегу что есть сил, – много перышек в воздухе – легчайший пух из вспоротых подушек, – девичьи крики совсем близко, – втянув голову в плечи, – несусь, перепрыгиваю через ограду, – в пыльных зарослях лопуха, – неловко отвернув залитое кровью лицо, – раскинув босые ноги, – лежит Двоя-Малка, – в распоротом сверху донизу платье, – я смотрю на нее, – и мне не стыдно, – я вижу ее обнаженные бедра, – и впалый синеватый живот, – и крошечные груди, ослепительно белые, – я поднимаю пестрый платок и прикрываю как могу ее тело, – нельзя, – нельзя лежать так взрослой девушке, почти невесте, – я прикрываю ее платком, – и руки мои становятся красными, – я пытаюсь соединить края разорванного платья, – топот проносится мимо, – облако перьев кружится и оседает, – ветер уносит крики все дальше.

Это было четырнадцатое лето моей жизни, – пыльное и тревожное, – я шел за отцом, – я шел за отцом в последний раз – несколько звезд скатилось в овраг, в пыльные заросли лопухов, – тоненькими голосами плакали скрипки, – как на настоящей еврейской свадьбе, – на востоке занималась заря, – в огненных сполохах и молочных разводах, – было раннее утро. Последнее утро моего детства.

Betende an der Klagemauer. Fotos von I. Muster
 Молящиеся у Стены Плача. Фото И. Мустера